

ЛитРес:

Параллельные кривые

Нет никакого смысла
- ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

Таша Калинина

18+

Таша Калинина

Параллельные кривые

«Автор»

2024

Калинина Т.

Параллельные кривые / Т. Калинина — «Автор», 2024

Сара пытается пережить потерю; маленькая Алися ждет встречи с мамой, которой никогда не видела; потерявший слух после травмы Люк не может отпустить прошлое; мать четверых детей Айлу решает сдать...
Случайный день в зеркале двенадцати случайных судеб, которые никогда не пересекутся. Роман об обычных людях. У каждого — свои причины быть несчастным или счастливым. Они не связаны друг с другом и в то же время — связаны октябрьским днем и выбором, который предстоит сделать.

© Калинина Т., 2024

© Автор, 2024

Содержание

МАРТА	6
САРА	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Таша Калинина

Параллельные кривые

МАРТА

13 октября

Где-то в Питере

Окурочек прочертил оранжевую полосу в густых предзвездных сумерках и совершенно изящно плюхнулся в лужу. Из окна на втором этаже Марта видела, как тонкий фильтр, нахлебавшись дождевой воды, начал разбухать, расплзаться – и вот уже ничего не осталось от казавшегося ей совершенным момента: длинная сигарета в ухоженных маникюренных пальцах, чашка с накрепчайшим, до боли в сердце, кофе и одинокое солнце где-то за плотными облаками. Смешно, но на падающие в темноту окурочки Марта загадывала желания. Это были будто ее личные звезды, спускающиеся с ее личных небес яркими огоньками. Не повезло ей увидеть настоящую падающую звезду, а очень хотелось. Есть в этом что-то детское. Волшебное.

Ну какие звезды? Окстись. Впереди сумрачный день, к финалу которого твоя голова будет взрываться от телефонных звонков, окриков "Левее. Повернись. Головку чуть выше, еще чуть-чуть, так, вот так... Улыбаемся", от запахов и звуков, от липких чужих взглядов и...

Ну вот, началось. Телефон на подоконнике угрожающе завибрировал. На экране высветилось вечно довольное лицо – Артурчик, кто же еще может звонить ей в такое время.

– Вообще-то еще шесть утра и вообще-то я просила выходной, – вместо приветствия буркнула Марта.

– Вообще-то, дорогая, у тебя съемки через 40 минут, – затараторил Артурчик, – а ты наверняка еще в халате и пялишься в окно. Машина выезжает через десять минут, будь готова.

– Я себя паршиво чувствую, – Марта вдруг поняла, что не хочет ни выходить из дома, ни ехать через весь Питер черт знает куда, ни изображать радость, которая мотивирует условную даму средних лет на покупку условной шубы, небрежно наброшенной на плечи условной Марты и почему-то позиционируемой как величайшее благо. Нет, шуба – это, конечно, приятно, но... – Можем сдвинуть съемки на завтра?

– Ты совсем там сдурела? – заверещал Артурчик. Когда он злился или нервничал, в его голосе прорезались неприятные визгливые нотки, разрушающие брутальный образ, которого он так тщательно придерживался. – Какое завтра? меховой салон уже загрузил свои шубейки, там штук тринадцать. Вы с Таней работаете в паре. Начинаем в семь утра, надо поймать свет.

– Да там ливень собирается, – слабо сопротивлялась Марта. – Мы в этих шубах будем как драные кошки, под дождем-то...

– Хватит, – взвизгнул Артурчик, – вечно с тобой одни проблемы. Думаешь, незаменимая, что ли? Через десять минут у подъезда. Вопрос закрыт.

Марта вздрогнула, представив, как он отшвырнул айфон. Конечно же, куда-то в район дивана или кресла, потому что упаси боже. Айфон – наше все. Странно, что она умудрилась прожить с этим человеком почти полтора года. Он выдернул ее из крохотной съемной комнатки на Васильевском острове, где она, впрочем, была себе хозяйкой, и из симпатичной кофейни, куда она устраилась официанткой сразу после переезда в Питер. Новая жизнь ошарашила, выбила почву из-под ног – Артур привез Марту в роскошную "двушку" в центре: панорамные окна, огромная круглая кровать, много свободного пространства, интерьер в холодных стальных оттенках – брутальный хай-тек. У нее, пару месяцев как выбравшейся из унылой провинции, где трехкомнатная "хрущевка" считалась пределом мечтаний, было ощущение, что она попала в сказку. Артурчик выполнял роль принца, правда, довольно быстро провалился.

– Ты не Мария, ты – Марта, – сказал он в первый же вечер, когда она, растерянная, с влажными после душа волосами, присела на краешек кровати, сжавшись в пружину и лихорадочно соображая, что же она делает здесь, с незнакомым, по сути, мужчиной, который пообещал сделать ее звездой. – Тебе сказочно повезло, милая. Тебя ждут миллионные контракты, обложки журналов, слава, деньги. Благодарю бога, что я заглянул в то захудалое кафе, благодарю бога...

И она благодарила. И бог виделся ей похожим на Артурчика – коренастый, смуглый, с жесткими, чуть выщипанными темными волосами и пронзительными голубыми глазами, стремительный и импульсивный, вспыхивающий то идеями, то гневом на ровном месте. И ей казалось, что каждый миг рядом с ним, ее личным богом, наполнен сакральными смыслами и что так будет всегда. Но в какой-то момент – когда Мария, русоволосая угловатая девочка из маленького города, окончательно отступила в тень – сердце Марты защемило от тоски. В зеркалах она теперь видела кого угодно, только не себя. “Сделаем реснички, – распорядился Артурчик, – губы... Нет, губы не надо. С твоим носом как раз такие, тонкие, резкие, идеально сочетаются. Брови мне не нравятся, но ничего, придумаем, как это исправить. А вот волосы... Волосы будем стричь”.

Спустя полтора года – в день, когда Марта поспешно скидывала вещи в сумку, параллельно вызывая такси – Артурчик припомнил ей все до рубля, потешно потрясая какими-то майками, блузками, которые, как теперь она понимает, переходили “по наследству” от одной пассии к другой. Очень удобно, когда крутишься в модельном бизнесе: все девушки – как на подбор, сплошные S-ки. Кстати, одну из тех блузок, которая врезалась в память – слишком уж мельтешила перед глазами своими липистыми, кислотных оттенков разводами, она совсем недавно увидела на новенькой девочке. Лера вроде бы. “Чего ты ржешь?” – осклабился Артурчик, проходя мимо. И как-то сразу сник. Понял.

Марта прокручивала в памяти свое перерождение, машинально расчесывая волосы перед мутным зеркалом. В этом сезоне она носила короткий боб густого шоколадного цвета, который делал ее голубые глаза почти прозрачными – как спокойная вода затерянного в диких лесах озера. Прядки послушно следовали за расческой, укладываясь в гладкую, будто из прошлого века прическу. Марта каждый раз удивлялась своему отражению – кто эта женщина? Высокая, худая, с резкими, совершенно лишенными женственной плавности и певучести движениями, склонная к неврозам и беспричинным слезам в самый неподходящий момент. В своем воображении она видела себя другой – тонкой, летящей, в шелках и шифоне, томной и сумрачной, полной недосказанности, появляющейся из ниоткуда и уходящей в никуда. Но зеркала в примерочных и витрины магазинов, где порой она случайно натыкалась взглядом на саму себя, были беспощадны, являя ей не зефирную фею, а молодую женщину "оригинальной" внешности на грани срыва.

– О, какой интересный экземпляр, – отреагировала на нее визажист Катрин при первой встрече, – на таком невзрачном личике можно нарисовать все, что угодно.

И рисовала ведь. То диву из семидесятых, так густо наклеивая разрозненные на пучки ресницы, что Марте трудно было открыть глаза. То бледную русалку, больше похожую на мертвяка с лихорадочно алеющими на бесцветном лице губами. То безбашенную оторву, застрявшую на рубеже девяностых. Интересно, что она придумает для тринадцати шуб?

– Тринадцать шуб, – прыснула со смеху Марта, и отражение в зеркале неловко дернулось, словно готово было рассыпаться мелкими бусинами, – это же надо такое придумать. Тринадцать шуб, тринадцатое октября... Черт, у меня же тринадцатого день рождения, в апреле, правда. Надо у Тани спросить, вдруг у нее тоже? Похоже, эта хозяйка мехового салона чокнутая совсем...

Марта поехала, будто от холода и, в последний раз взглянув на себя в зеркало, вышла из ванной. Надо было торопиться, иначе Артурчик устроит очную истерику, а это в день, преисполненный числа тринадцать, явно будет чересчур. Она натянула серые джинсы, объемный черный свитер, в широкой горловине которого угадывался самый простой хлопковый топ, бросила в спортивную сумку пару купальников – мало ли что придет в голову их “гениальному” режиссеру – и вышла из квартиры, прихватив с вешалки в прихожей кожаную косуху. Уже поворачивая ключ в замке, спохватилась – на ногах все еще были плюшевые тапочки. Вернулась, надела кроссовки и с нежной грустью поставила тапки на полку для обуви – как бы ей хотелось быть ими и никуда, никуда не спешить, шаркать себе из комнаты на кухню и обратно, тусоваться возле дышащей уже теплом центрального отопления батареи. Глянула в зеркало – так принято, когда что-то забываешь и возвращаешься. “Ну пока, – кивнуло ей отражение, – до вечера”. Закрыв за собой дверь, Марта легко сбежала по ступеням – эхо ее шагов отражалось от сонных стен, откуда-то лились кофейные ароматы, на первом этаже за одной из дверей слышалось шкворчание яичницы на сковороде, и уставший уже с утра женский голос раздавал указания: “Дима, чистить зубы! Доченька, ты потом, пока расчеши волосы...” Обычная жизнь, предсказуемая, понятная, как яйцо для омлета – никаких тебе тринадцати шуб...

Марта вынырнула из подъезда под унылый октябрьский дождь. Хотя и дождем-то эту морось не назовешь, так, ерунда. И только собралась прикурить сигарету, во двор въехал старенький, но добротный “Мерседес”. Сегодня ее забирал Вадим, мрачный увалень, из которого двух слов не вытянешь.

– Куда едем? – она плюхнулась на заднее сиденье и с удовольствием откинулась на спинку пассажирского кресла. Понимание маршрута позволило бы Марте прикинуть, сколько времени у нее есть, чтобы подремать или просто посидеть с закрытыми глазами, представляя совсем другую жизнь, которой у нее, кажется, так и не случится.

– Сейчас за Таней, потом позвоним Артуру – он сориентирует, – буркнул Вадим. И вдруг совершенно неожиданно добавил. – Минут тридцать у тебя точно есть. Музыка включить?

Марта улыбнулась про себя и вежливо отказалась. Лучшая музыка для нее – тишина. Если бы еще можно было бы убавить громкость у шуршания шин...

“Мерседес” плыл в утреннем тумане сонных улиц. Марта сквозь дрему следила за мельтешением жизни по ту сторону чуть сбрызнутого дождем стекла: вот в темноте подворотни подмигнула вывеска какого-то магазинчика; вот девушка в светлом пальто открывает дверь в кафе, щелкает выключателями внутри, и Марта еще успеваешь заметить, как окна наполняются дрожащим светом; вот крупный мужчина в ярком ветряке ведет на поводке дурашливого щенка. В рождении дня было еще столько очарования, что на секунду хотелось поверить – будущность обнимает тебя всеми своими крылами, готовит фейерверки радости и капнет в утренний кофе чайную ложку любви вместо коньяка. Но нет, ничего не будет. Марта слишком хорошо знала цену расслабленности и доверия – только дай себе слабину, только откройся, считай, таймер запущен. И в момент, когда нули определяют точку “икс”, ты будешь выброшен на обочину красивой, полной возможностей жизни. За ненадобностью. И потому что обязательно найдется кто-то наглее тебя.

– Деточка, ты запомни простую вещь, – наставлял ее в первые недели работы в агентстве Артурчик, – или ты, или тебя. Так устроен этот мир, не до сантиментов и благородства. Надо будет уроду дифирамбы петь – ты будешь. Даже если наизнанку выворачивает от омерзения. А знаешь почему? Ну, ну спроси – почему? – он кайфовал от своего менторского тона и безупречно отрешенного выражения лица – уставшая, пресыщенная мудрость.

– Почему? – доверчиво лепетала Мария, которая еще не привыкла к тому, что-то Марта.

– Потому что деньги он тебе платит. Или за тебя платит, – поправил сам себя Артурчик, – и пока есть у него такой фетиш – незнакомые девки, которые спуют туда-сюда по прямой в тряпках из последних коллекций, он будет платить. А ты – делать то, что скажут. Если не сделаешь ты – сделает другая, а ты – адью, до скорого! Уяснила?

Марта уяснила. Что выгоднее быть стервой и, едва закрепившись на новой работе, начала набивать себе цену: устраивала истерики, выкручивала Артурчику руки, пока он не наигрался с новой куклой и готов был выполнять все ее капризы. Интуитивное решение стать "звездой", пусть и мелкого пошиба, спасло ее, когда она, смачно хлопнув дверью, ушла от продюсера, но осталась в бизнесе. Уже не ноликом, а самостоятельной единицей.

"Мерседес" замедлил ход и нырнул в темную арку. У крайнего подъезда нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Таня, ее сегодняшняя напарница по съемкам.

– Всем привет! – вместе с девушкой в салон машины ввалилось беспричинное веселье. – Ну я и замерзла вас ждать. Может, кофе где-то по пути купим?

– А ты в курсе, что сегодня у нас шубный день? – с заднего сиденья подавала голос Марта. – Не знаю, в чем там концепция съемок, но на всякий случай взяла купальники...

– Ты что, серьезно? – Таня задохнулась от возмущения. – Съемки будут уличные? Это же издевательство, такая холодина...

– Клиент всегда прав, – попытался пошутить водитель и осекся под гневными взглядами девушек.

– Рули давай, – скомандовала Марта. – Артуру уже позвонил?

Вадим, тяжело вздыхая, припарковался во дворе. "Я не умею ехать и разговаривать одновременно", – пояснил он пассажиркам и выудил из нагрудного кармана куртки смартфон.

– Алле... Да, забрал. Да... – о чем они разговаривают с Артуром по односложным ответам водителя понять было невозможно. – Нормально все. Сперва Марту, теперь Таню подхватили. Ехать нам куда? Куда?!

Марта чувствовала, что более idiotских съемок у нее еще не было. Интонации Вадима красноречиво свидетельствовали в пользу этого. Ей уже не хотелось знать, что придумал Артурчик, считавший себя королем креатива, а на деле...

– Девчонки, едем в "Порт Севкабель", – подытожил Вадим, погружаясь на водительское кресло и поворачивая ключ зажигания в замке. – Финский залив – это неплохо, конечно... Да и место модное.

Собственно, ничего другого от Артурчика Марта и не ожидала. Лофты, виды, шубы опять же – надо держать марку. Таня закатила глаза: "Там же наверняка адский ветер с залива. Кто будет мне потом больничный оплачивать?". "Мерседес" тихонько дернулся, нехотя набирая скорость. "Маршрут построен, – приятным женским голосом обрадовал навигатор. – Время в пути – восемнадцать минут". Марта уставилась в окно. На Финский залив она не приезжала уже много месяцев. Именно с него началось ее знакомство с Питером три года назад, когда

она, наивная и целиком сделанная из восторгов, никак не могла наполниться свежим, чуть солоноватым ветром, жадно впитывая его каждой своей клеточкой, но все равно было мало. Город быстро стал обыденностью, когда перестаешь с придыханием смотреть на величественный Исаакиевский собор, от которого волнами расходится ощущаемое почти физически спокойствие; когда не замираешь замороженно посреди Невского проспекта, поймав отражение закатного солнца в витринах; когда ныряешь во двор-колодец и уже не задираешь голову, чтобы увидеть небо. Все, магия ушла – ты становишься обычным винтиком в гигантском механизме города-миллионника, и вопрос только в том, удастся ли продвинуться в шестеренки. Вроде бы винтики тоже важны, но быть шестеренкой как-то престижнее, что ли.

– А в чем идея съемок, Артур не рассказывал еще? – беспардонно влезла в ее мысли Таня. И сразу начала жутко раздражать Марту.

– Мне как-то вообще все равно...

– Ну как же? А вжиться в образ, настроиться? Иначе фотки получатся полудохлые.

Ну и словечко. Марта с интересом взглянула на Таню, которая нетерпеливо ерзала на переднем сидении, как капризная девочка-подросток, уверенная в том, что за поворотом откроется вид на условный Диснейленд. Ну если не за этим, то за следующим – точно.

Таня была полной противоположностью Марты – белокурая, фигуристая, с каким-то даже кукольным лицом. Слишком смазливая, слишком приторная. Хотя в шубе, пожалуй, будет отдаленно напоминать Снегурочку, перебравшуюся из зачарованного снежного леса под уютное крылышко состоятельного “папика”. Артурчику не откажешь в чувстве юмора – решил сыграть на контрастах: худощая брюнетка против соблазнительной блондинки, угрюмая решительность против беспечного веселья, осенний сплин против вечного лета. Может быть, получится даже забавно.

Телефон в сумочке запел голосом Фрэнка Синатры. “Что за дичь у тебя на звонке?” – хихикнула Таня, быстро съжившись под испепеляющим взглядом своей напарницы по тринадцатому октября.

– Да, слушаю, – Марта не сомневалась в том, что из трубки польется Артуровская тарбарщина. На таких скоростях разобрать его слова бывает непросто, да она не очень-то и хочет.

– Ангелика уже здесь! – прошипела трубка. – Вас где черти носят?

– Анге... кто? – Марта с трудом подавила смехок. Только женщин со странными именами сегодня не хватало. – И вообще, если ты хочешь узнать, когда мы приедем, звони Вадиму. Я-то тут при чем?

– Его нельзя отвлекать, он за рулем, – Артур был в бешенстве, но это делало ситуацию еще смешнее. – Ты понимаешь, что это мы должны ее ждать, а не наоборот?

– Кто такая Ангелика? – прикрыв трубку ладонью, спросила Марта у своих попутчиков и постаралась успокоить Артура. – Да подъезжаем уже, пять минут. Угости пока даму кофе.

– Она пьет только... – возмущенно начал продюсер, когда Марта дала отбой. Вот уж совсем нет дела до того, с какого напитка начинается день какая-то там фифа. Только сейчас она заметила округлившиеся от удивления кукольные глаза Тани: “Ангелика? Сама? Офигеть!” Вадим неопределенно пожал плечами. Слава богу, хоть кто-то не впадает в трепетное оцепенение от этого имени. Пока “Мерседес” подъезжал к “Севкабелю”, блондинка прочитала попут-

чикам экспресс-лекцию: Ангелика – одна из самых богатых женщин Питера, очень успешная, владеет сетью меховых салонов, парочкой ресторанов, ну про салоны красоты и говорить нечего, невероятно крутая, и всем им очень повезло, что сегодня они будут работать лично с ней.

– Так она еще и двинутая на числе тринадцать? – уточнила Марта, вспомнив про тринадцать шуб, свой день рождения и тринадцатое октября.

– Правда? – восторженно взвизгнула Таня. – У меня же день рождения тоже тринадцатого. В августе. Вот ведь как совпало.

Марта облегченно расхохоталась. Пазл сошелся. Этот день, определенно, будет безумным. Голова заранее разболелась. Хорошо, что в сумке нашелся спазмалгон. Горькая таблетка рассыпалась кристалликами на языке, когда Марта, поморщившись, ее разжевала, но большой глоток воды – какая она молодец, что всегда держит при себе бутылочку воды – исправил дело. Она закрыла глаза, надеясь еще несколько минут подремать, пока “Мерседес” не остановился, и даже отдаленное щебетание Тани не отвлекало ее от блаженного погружения в тишину. Кажется, ей даже успел присниться какой-то мимолетный обрывок детства – воздушный шарик трепыхался на толстой нитке, детская ладошка тонула в папиной руке, и ветер, ветер такой сумасшедший...

– Марта, эй, просыпайся, – кто-то легонько тронул ее за плечо. – Приехали. Все уже ждут.

Питерское утро за бортом “Мерседеса” дышало сыростью и серостью. С залива тянуло несбыточными мечтами. Они рвались на лоскуты облаков и проплывали так низко над головой, что, кажется, протяни руку... Какая нелепая идея проводить съемки при такой погоде. Марта поежилась и шагнула навстречу кучкующейся поодаль группе людей: какие-то парни устанавливали крытый навес, который, видимо, будет служить гримеркой; Катрин с помощницей выгружали на обычный пластиковый стол свои чемоданы с косметикой; Артурчик размахивал руками, раздавая указания – сюда притащить стулья, здесь настраивать свет. Все были чем-то заняты, только одна женщина, сучая, тыкала пальчиком в айфоне, время от времени равнодушно оглядываясь по сторонам.

– Это она, она! – шепотом завизжала Таня, невесть как оказавшаяся рядом. – Скажи же, офигенная?

Значит, женщина с айфоном и есть Ангелика. Ну до чего нелепое имя, тем более с ударением на “е” – а именно так все его и произносят. Придыхание крайне желательно. Интересно, самой небожительнице как живется в коконе удушливого и услужливого обожания? Вопрос был риторическим, мимоходом – Марту совершенно не интересовали тараканы в чужой голове, со своей бы жизнью разобраться. Да и Ангелика не произвела на нее особого впечатления – обыкновенная женщина лет тридцати, в самом обыкновенном темно-зеленом свитере, приятного горчичного оттенка брюках и небрежно наброшенном бежевом тренче. О, какая забавная деталь – вместо ожидаемых лаковых туфель на безумной шпильке мисс безупречность явилась на съемки тринадцати шуб в подростковых на вид кроссовках с ядовито-салатовыми шнурками. “А она бунтарка”, – усмехнулась про себя Марта и свернула к палатке с визажистами.

– Привет, девчонки, – поздоровалась она. – Что рисовать будем сегодня?

Катрин обрадованно и как-то даже облегченно выдохнула, увидев Марту: “Слава богу, ты здесь. Может, хоть ты поймешь, что тут происходит? Артур беснуется, клиентка в прострации, идей никаких нет – только шубы”.

– Мне бы хотелось, чтобы фотографии получились такими, знаете... Будто в кадре сливаются все стихии, будто происходит борьба добра и зла, – откуда-то из-за спины раздался женский голос, ровный и глубокий, как стоячая вода. – Будто ветер живет в каждом движении моделей. Нужны очень чувственные и одновременно холодные кадры.

Марта чуть не присвистнула – ничего себе запросы у дамочки, которая по совместительству еще и поэт. Но Артурчик, тоже материализовавшийся под навесом, уже лопотал что-то восторженное про “сделаем в лучшем виде”. Ангелика смерила его взглядом и повернулась спиной. Так они оказались лицом к лицу с Мартой. В глазах владелицы салонов всех мастей промелькнуло смутное узнавание – и от этого стало не по себе. Они точно не встречались ни в этой, ни в прошлой жизни. Они не пересекались в модной тусовке, и до сегодняшнего утра Марта понятия не имела о существовании Ангелики – с ее графиком работы спать-то толком некогда, не то что по салонам красоты ходить или мехами интересоваться.

– Так, мы поступим следующим образом, – растягивая слова и не отрывая взгляда от лица Марты, сказала заказчица фотосессии, – брюнетка у нас будет олицетворять добро, блондинка – зло.

Выбор был настолько неожиданным, что лицо Артурчика вытянулось от удивления. Он-то уже, похоже, списал Марту со счетов и выдернул ее на этот проект исключительно из-за числа тринадцать. Клиентка хоть и с причудами, но очень уж приятный гонорар.

– Окей, – Катрин начала разворачивать чехол с кистями для макияжа, – я работаю с Мартой, а Таня – на тебе, – кивнула она помощнице.

И понеслось. Черная каракулевая шуба в пол сочеталась с прозрачным нюдовым макияжем – мертвенная бледность Марты-добра была контраргументом жизнерадостному злу, воплощенному в розовощекой, смеющейся малиновым ртом Тане, чьи плечи кутались в пушистый мех белоснежной песцовой шубки. Девушки балансировали на парапете набережной, и легкие волны, разбиваясь о береговую линию, обдавали их голые ноги ледяными брызгами. В какой-то момент Таня опасно пошатнулась, и Марта интуитивно рванулась к ней – схватила за руку, чтобы поддержать. “Не умею плавать”, – прочитала она по губам блондинки, когда ветер откуда-то снизу рывком распахнул полы каракулевой шубы и взъерошил волосы. Но они обе удержались.

От смены образов и нарядов – какая мука была натягивать телесного цвета платье-чулок! – кружилась голова. Вспышки слепили, шубы превратились в объект ненависти, ступни заledenели после очередного прохода босиком по еще зеленому и мокрому от припущившего с новой силой дождя газону – “Девчонки, кадры будут отпад!”, страшно хотелось пить и спать, но эта безумная карусель лишь набирала обороты.

Бежать. Бежать! Не слышать смешавшуюся с гулом порта какофонию голосов, не видеть мешанину лиц с пустыми глазами, не быть частью – ни винтиком, ни шестеренкой. Она задыхалась от суеты большого города, который вдруг стал слишком тесным для нее, слишком разрушающим, слишком шумным.

– Перерыв! – зычно гаркнул на всю площадку Артурчик, вновь почувствовав себя хозяином положения. – Обед уже везут. Пока можно согреться кофе.

Марта взяла дымящийся стаканчик и незаметно выскользнула из круга оживленно болтающих о сущих пустяках коллег, в удовольствии – без окриков “Чуть правее!”, “Сейчас боч-

ком!” – добрела до дальней скамейки и села, вытянув ноги. Дождь закончился, сквозь рваные серые тучи нет-нет да проглядывало холодное осеннее солнце, рассыпая блики по идущей рябью воде залива. Марта нащупала в кармане косухи, брошенной на молочного цвета жакет (“Только осторожно, реквизит!”), сигареты и зажигалку, выудила из пачки одну и закурила, устало закрыв глаза.

– Привет! А меня угостишь? – кто-то присел рядом.

– Угу, – не глядя, протянула она пачку на женский голос. Глаза открывать было лень.

– Устала? – женщина говорила тихо, будто откуда-то издалека. – Вообще не понимаю твою работу – притворяться кем-то, ходить туда-сюда, изображать чувства, которые ты не испытываешь на самом деле...

Марте стало любопытно, она приоткрыла левый глаз. Ангелика? Вот это сюрприз. С чего бы вдруг небожительница, фанатеющая по числу тринадцать, снизошла до простой смертной?

– Да я особо не жалею, – фотомодель пожала плечами, – работа как работа, не хуже другой. Деньги платят, на жизнь, даже с излишествами, хватает. Хотя да, ты права – надоело все, конечно. Просто лень что-то менять.

– Странно... – Ангелика затянулась сигаретой и, словно смакуя, тонкой струйкой выпустила дым, замороженно наблюдая за тем, как он смешивается с небом. – Мне показалось, ты знаешь, чего хочешь. Ты не похожа на них. Тебе будто бы наплевать на время, деньги, чужое мнение...

– Да мне и на себя наплевать, если честно.

– Это тоже чувствуется, – сказала Ангелика после долгой паузы. И в этом молчании Марте послышалась истина: есть мир, есть мы в нем и в каждом из нас – блуждающие звезды, которые иногда так и не добираются до центра души, где могли бы, соприкоснувшись, взорваться рождением Сверхновой и залить светом человеческую оболочку. Но странное дело, от Ангелики – внешне неприметной женщины с дурацким именем – шло сияние. И тепло. Абсолютно нетипично для избалованных богачек, перед которыми даже матерые мужики вытягиваются в струнку.

– Можно два вопроса? – из вежливости поинтересовалась Марта и, не дожидаясь ответа, выпалила. – Откуда такое странное имя и почему тринадцать?

– Мне просто скучно, – Ангелика впервые улыбнулась, и оказалось, что у ее лица есть волшебное свойство – становиться прекрасным, когда в уголках глаз появляются смешливые морщинки, а на щеках проклевываются нежнейшие, по-младенчески трогательные ямочки. – Ангелика – это производное от ангела и Лики, хотя по паспорту я Лукерья. Ну правда, не смейся, так уж матушка, фанатично влюбленная во все старинное и с душком, нарекла. Первый бизнес – небольшая парикмахерская на Гончарной – достался от родителей, а дальше я сама. Но поверь, чем больше у тебя денег, тем тоскливее твоя жизнь. Ты становишься рабом счетов, инвестиций, кредитов... Это убивает. Потому что больше ты никому не можешь верить, тебя нет – есть только твои деньги.

– И ты придумала этот цирк с числом тринадцать, чтобы просто поразвлечься? Мы вообще хоть что-то рекламировать будем?

– Неа, – беспечно отмахнулась владелица тринадцати шуб, – что тут рекламировать? Шубы? Ну ты серьезно? Да кому они нужны? Ну разве что таким, как Таня. Подарю ей, наверное, эту песцовую шубейку, она ей и правда к лицу. А тебе надо шубу?

– Нет, у меня пуховик есть, – Марта вообще перестала что-либо понимать. И это себя она считала странной?

– А с числом тринадцать смешно вышло, – Ангелика выкладывала все, как на духу, первой встречной. – Я подумала, как далеко человек может зайти из любви к деньгам. Парочка агентств меня вежливо послали, вообще крутые ребята! А ваш Артур уцепился за явно бредовую идею – шубы, рассветное утро, отвратительная погода и обязательно, чтобы у моделей

дни рождения были именно тринадцатого. Я поверить не могла, когда он позвонил вчера и сообщил, что все готово к съемкам. Пришлось вставать сегодня ни свет, ни заря, а я это очень не люблю.

Марта хохотала уже в голос, почти до слез. Какая чертовка эта Ангелика! Филигранная работа!

– Артур знает? – задыхаясь от смеха, спросила она. – Он понимает, что зря выдернул кучу народа в шесть утра из своих домов и заставил их грохнуть целый день на то, что изначально было иллюзией?

– Нет, конечно, – равнодушно ответила королева фарса. – Ты не переживай, гонорары и съемочное время будет оплачено, все как будто по-настоящему. Просто рекламной кампании никакой не будет, и снимки эти – в никуда. Я еще не решила, как поступить дальше. Может, пушу слух, что Артурчик – дилетант и не умеет работать. Может, наоборот – сделаю так, чтобы его модельное агентство взлетело на самую вершину популярности.

– Это жестоко, – отметила Марта. – И первое, и второе. Ты будто играешь чужими судьбами.

– Так и есть. Могу себе позволить, – Ангелика коротко глянула ей прямо в глаза, и очарование момента рассыпалось дождевой пылью. Перед Мартой была хищница. Большая грациозная кошка, которая одним движением свернет шею зазевавшемуся воробью и не задумается ни на секунду. Почему-то стало жутковато. А вдруг в ней она тоже видит доверчивую птичку?

– Нам, наверное, уже пора, – Марта начала было приподниматься со скамейки, когда ее прихлопнуло властным “Сядь!”.

– Я хочу, чтобы мы сейчас вместе вернулись на площадку. Это будет последний кадр. Очень эффектный! Добро наносит удар. Ты никогда боксом не занималась?

– Что? – Марта не понимала, шутит Ангелика или говорит всерьез, но с каждой минутой ей все меньше и меньше нравилось все, что происходит.

– Ну круто же? Представь картинку: добро коротким ударом расквашивает нос злу. Капли крови на отворотах белой шубы, офигевшее лицо Тани – она же не будет знать, поэтому все получится натурально. Все на площадке в шоке. Ты – звезда дня.

– Ты ненормальная, – ну конечно, это логичное объяснение: осень, обостряются фобии, страхи, тараканы в голове устраивают показательные выступления. – Я не буду этого делать.

– Если не будешь, то в этом городе не устроишься даже полумойкой, – очаровательно улыбнулась Ангелика, – а если сделаешь – получишь лично тринадцать миллионов рублей и живи, как тебе вздумается. Это игра такая, понимаешь?

– Да пошла ты, – Марта смерила бизнес-вумен взглядом так, словно сплюнула, – сука чокнутая!

Марта шла к навесу-гримерке с одной целью – забрать свои вещи и отправиться домой. Никогда еще она так легко не принимала решения. В голове звенела солнечная тишина, сквозь которую уже не пробьются вопли Артурчика и уговоры Тани, которая – вот дуреха! – верила, что эти фотографии изменят ее модельную судьбу. Марта шла и спиной чувствовала колкий насмешливый взгляд Ангелики: “Не устроишься даже полумойкой”, и ей было так хорошо от мысли, что теперь-то она точно свободна – и от этого города, и от обязанности притворяться кем-то другим, и от прилипшего чужого имени. Как же она соскучилась по себе Марии! Как же она соскучилась по тишине, в которой слышно лишь уютное тиканье будильника и стук собственного сердца...

ЛЮК

13 октября

Где-то во Франции

Он проснулся раньше будильника. Он всегда так просыпался, но каждый вечер с маниакальным упорством заводил старенький часовой механизм, чтобы в 6.45 деликатный, будто из 19 века звук обозначил наступление нового дня. И каждое утро открывал глаза на семь минут раньше.

Люк лежал в постели, натянув легкое одеяло до подбородка и уставившись в равнодушно-белый потолок. Он знал, что под окном уже шуршит метлой бессменный дворник их района Рауль – обаятельный мужчина, за последние пятнадцать лет постаревший на его глазах. Люк знал, что листья, подсушенные и позолоченные прохладным октябрьским солнцем – как хорошо, что в том году еще не было осенних дождей! – вытанцовывают нежный утренний вальс, подгоняемые метлой. Даже жаль, что Рауль такой старательный работник – через час о том, что здесь хозяйничает осень, ничего не будет напоминать.

Люк знал, что мама готовит на завтрак яичницу. Кажется, с помидорами и сыром? Он очень четко различал запахи, улавливая тончайшие нюансы. Сегодня, определенно, был “Пармезан”. Он даже видел, как мамины руки порхают над сковородой, щедро посыпая помидорные ломтики сырной стружкой. И еще чуть-чуть зелени – до него доплыл яркий, чуть маслянистый аромат свежего укропа. Нужно было вставать и спускаться к завтраку. Похоже, мама уже начала варить кофе.

Люк опустил ступни на пол. Помедлил, словно сомневаясь, что ноги готовы шагнуть в новый день, и наконец встал – выпрямился во весь рост, повел плечами, сделал пару медленных круговых движений головой, чувствуя, как просыпаются мышцы во всем теле. Собираясь уже идти в душ, он мельком глянул на прикроватный столик – будильник даже слегка подпрыгивал от натуги, пытаясь докричаться до своего хозяина. Но Люк не слышал. Он давно ничего не слышал, непонятно почему надеясь, что однажды утром мир снова заговорит с ним на разные голоса. Он помнил, как звучит весна в распахнутом окне, как шепчутся под дождем продрогшие клены, как смеется Софи...

Софи. Самая большая его любовь и – самый уродливый шрам на сердце. Люк ополоснул лицо теплой водой из-под крана, оперся ладонями о раковину и закрыл глаза. Отчаянно-бирюзовый газовый шарф, подхваченный солнечным ветром, маячил где-то впереди. Как условный знак. Как приглашение в счастье. Первое, что он вспоминает о Софи, – плывущий над летней мостовой шарфик. Потом он увидел русые локоны, которые чувственно волновались в такт легким шагам. Потом хрупкие плечи, одетые во что-то светлое. Потом она подняла руку, помахав кому-то на другой стороне улицы, и тонкий звон изящных металлических браслетов наполнил его сердце музыкой. Он не видел ее лица, но был абсолютно уверен – она совершенна.

Легкая вибрация воздуха в ванной комнате означала, что мама стучит в дверь. Зачем она делает это? За тем же, зачем и он каждое утро заводит будильник? “Иду-иду!” – выкрикнул Люк и закрыл кран. В его мире ничего не изменилось, но мать услышала, что вода перестала шуметь, и пошла на кухню, осторожно спускаясь по лестнице на первый этаж. Если бы Люк увидел сейчас ее опущенные плечи, усталый силуэт, выхваченный утренним светом из сумрака коридора, наверное, не было бы на Земле человека несчастнее. В крошечной тишине мамин

голос мог бы стать ему утешением и тонюсенькой ниточкой надежды, но нет – они оба знали, что лучше не станет; что вязкая ватная тишина, обступившая их дом со всех сторон, будет уплотняться, пока не поглотит даже воспоминания Люка о том, как звучит жизнь. Но мать старательно делала вид, что все еще верит в чудеса, и только оставшись в одиночестве – как сейчас, по пути на кухню – разрешала себе правдивые чувства и эмоции.

– Тебе кофе сразу? – прочитал Люк по губам, усаживаясь во главе стола. Так уж вышло, что вместе с тишиной пришло и взросление – он стал главным и единственным мужчиной в доме. Отец незаметно исчез, пока мать таскала сына по больницам и врачам. Он ушел не к другой женщине – он просто ушел. Устал от горя и от чувства собственного бессилия. Люку его не хватало. Странно, да, в тридцать семь лет скучать по отцу? Последние несколько лет папа начал приезжать на Рождество, привозил с собой обязательный букетик пестрых роз для мамы, бутылку шампанского – для всех и долгий, разрывающий душу взгляд печальных водянистых глаз – для сына. Ну и ещё какую-нибудь футболку, которую Люк бережно складывал в ящик комода и никогда не надевал.

Ах да, кофе – Люк заметил выжидающий взгляд женщины, которая подарила ему жизнь, и кивнул: да, сразу. "Интересно, почему у мамы больше нет детей? – подумал он. – Вот бы у меня был младший брат или сестра. Наверное, все тогда могло бы быть иначе".

– Мам, а ты когда-нибудь хотела второго ребенка? – спросил он, поражаясь своей бестактности.

Она сделала вид, что не услышала. Она всегда так делала, чем жутко бесила Люка. Ну в конце концов можно уже смириться с тем, что твой сын – вырос, и рассказывать сказки про сбившихся с курса аистов необязательно. Прямой вопрос предполагает прямой ответ. Разве это так сложно?

Люк внимательно смотрел на мать, пытаясь разгадать ее тайные мысли. Почему в ее руках дрогнула чашка на словах “не хотела второго ребенка”? Отчего затуманился взгляд? Что он знает о ней, кроме того, что ее зовут Жюли и она – его мама? Детские воспоминания, которые сейчас он пытался выудить из глубин своей памяти, были смутными, размазанными, как попавший под дождь акварельный рисунок: светлое пятно – это мама возле ворот детского сада и он, в секунду превратившийся в улыбку, мчится навстречу сквозь солнечный день; бирюзовые глаза в черной каемке ресниц близко-близко – это мама наклонилась к нему, чтобы разбудить в школу; короткое ободряющее прикосновение – мама, которая будто всегда держалась чуть в стороне, дотронулась до его плеча, провожая в колледж. Она всегда была здесь и – не здесь. Редко обнимала. Была скупа на нежность. Напоминала андерсеновскую Снежную Королеву – прекрасная, недостижимая, далекая, словно из другого мира. Иногда он даже задумывался, а правда ли Жюли – его мама? Казалось, она ничего не способна дать – ни жизни, ни любви. И только когда появилась Софи, ледяная корка дала трещину – вся причитающаяся ему нежность хлынула теплой волной на эту смешливую девочку. Люк, случалось, ревновал – свою мать к своей девушке. Он тоже, он тоже хотел сидеть с Жюли на кухне и болтать ни о чем за чашкой чая, смотреть какую-нибудь комедию и хохотать во весь голос, не сдерживаясь и не одергивая себя внутренне: “А что скажет мама?”. У Софи это получалось так естественно, что иногда он думал, будто это она – дочь Жюли, а он так, случайно забрел в чужой уютный дом.

Софи... Какая нелепость – мысли так или иначе возвращали ему Софи. Люк устал от этих воображаемых встреч и слов, которые никогда уже не прозвучат между ними. Любовь умерла с аккуратным щелчком дверного замка, который он уже не услышал, и была размазана гневным

взглядом матери – будто в том, что Софи ушла, была его вина. В тот момент он почувствовал себя преданным дважды.

– Спасибо, мама, очень вкусно, – он улыбнулся, отодвигая тарелку, и переключаясь на кофе. Эспрессо Жюли варила отменный. – Я собираюсь прогуляться. Составишь компанию?

Втайне Люк мечтал, чтобы она отказалась, и выдохнул – словно сбросил тяжеленный груз с плеч – когда мама отрицательно покачала головой. “Дел дома много”, – прочитал он по губам. Ну да, конечно, дела превыше всего. Полить цветы, смахнуть пыль с полок, закинуть в стирку белье, приготовить ужин – насыщенный день домохозяйки средних лет. Матери не было еще и шестидесяти пяти, но она зачем-то отказалась от жизни, выходя из дома разве что на рынок – за продуктами. Этого Люк точно никогда не сможет понять. Когда в твоём распоряжении пусть и небольшой, но прекрасный город с удивительно певучим именем – Лонжюмо, разве можно быть запереть себя в четырех стенах? Этот город даже циника превращает в поэта. Правда, Люк не очень любил стихи. Что странно – при его-то романтической натуре: звон браслетов на тонком запястье Софи, бирюзовый шарфик, плывущий за солнцем. Чем не поэзия?

Люк вышел из дома на улице Фландр и пошел вперед. Погода в обычно дождливом октябре расщедрилась на сухие солнечные дни. Сегодня был как раз такой. Прозрачный воздух в позолоте утреннего солнца еще не прогрелся и пробирался за шиворот куртки приятным холодком. Город проснулся – отовсюду летели запахи утра: в пекарне на углу уже готовы хрустящие круассаны, возле дверей парфюмерного магазина сносит волной ароматов, стоит какой-нибудь прелестнице скользнуть внутрь, а сама улица пахнет пряными листьями и пылью. Люк пытался представить, как звучат голоса, какая музыка доносится из открытых окон, как мурлычет шоколадного оттенка кот, вытянувшийся на траве – надо же, умудрился втиснуться в полосу солнечного света. Наверное, Софи сейчас улыбнулась бы этому коту...

– Хватит! Хватит! – взорвался в голове единственный голос, который он слышал. Его собственный. – Софи здесь нет и не будет. Отцепись от нее, освободись. Вокруг столько женщин. Посмотри – вон какая красotka, и на тебя смотрит. На тебя идиота!

Брюнетка в зеленом платье, шагнувшая ему навстречу из кофейни, замерла и едва не выронила из руки телефон, по которому, похоже, с кем-то говорила. Люк, приближаясь, чувствовал, как его обволакивает теплым, чуть искристым ароматом с четко звучащими нотками шалфея, мандарина и чего-то еще очень знакомого – брюнетка вкусно пахла. “Красивая”, – отметил он про себя и, поравнявшись с девушкой, улыбнулся: “Доброе утро, мадемуазель!” Незнакомка зачарованно смотрела на него, и на секунду Люк представил, как бредет с ней за руку по вечернему саду и закатное солнце делает их вытянутые тени четче. Острый приступ сиюминутного счастья заставил Люка сбавить шаг. А может, и правда попробовать?

– Вы не составите мне компанию? – девушка так очаровательно смущалась, что он, легко прочитав по губам вопрос, так и не ответил, продолжал глупо улыбаться и рассматривать ее лицо. Чуть вздернутый аккуратный носик, припудренный золотистыми веснушками, большие зеленые глаза, сочные, как спелые вишни, губы, высокие скулы, густая копна темных волос, рассыпавшаяся по плечам. Интересно, как звучит ее мир – какая музыка ей нравится, какие фильмы, какой у нее голос?

Люк почувствовал, что его затягивает в воронку воображаемой жизни: картинки в голове проносились с ошеломляющей скоростью – долгие совместные прогулки вдоль реки; отблеск свечей в зеленых глазах и невесомые пузырьки шампанского, поднимающиеся со дна бокала; “я

хочу тебя поцеловать” – первое, что у нее получилось сказать на языке жестов; белые простыни, напоминающие в абсолютной темноте свет далеких маяков...

– Я не слышу вас, – он оборвал попытку девушки сказать что-то еще. – Совсем не слышу. Я глухой. Инвалид, понимаете?

О, сейчас он снова поймает этот знакомый взгляд. Смесь жалости, нежности и разочарования. Женщины всегда смотрели на него именно так, когда узнавали о его глухоте. В зеленых глазах читалось: “Что за черт? Такой красавчик и такой...” Люк был беспощаден к себе – мысленно он продолжал эту фразу самыми уничижительными словами в свой адрес. Никчемный. Урод. Калека.

Странно, но брюнетка почему-то его не жалела. Она улыбнулась: “Правда? А как вы меня понимаете?”. И вдруг, словно спохватившись, полезла в сумку, выудив оттуда блокнот и авторучку. “Меня зовут Кларисса, – на листке одна за другой появлялись буквы. – Так что насчет кофе?”

– Нет, нет, Кларисса, я спешу, – Люку вдруг стало по-настоящему страшно. А что, если за чашкой кофе потянется какая-то личная история? Что, если он предаст Софи – а он мог, он понимал, что запросто влюбится в такую женщину, как эта решительная брюнетка. Тем более после стольких лет одиночества. Когда он последний раз видел Софи? Почти одиннадцать лет назад. Еехватило ровно на 362 дня после катастрофы – так он называл для себя потерю слуха, а потом она захотела жить, как все нормальные люди.

– Подождите, – Кларисса осторожно тронула его за локоть, останавливая бегство. – Я не вижу никакой проблемы в том, чтобы вместе выпить по чашке кофе. Пусть не сегодня, – и она, что-то быстро начеркав в блокноте, вырвала листок и протянула ему. – Это мой телефон, есть во всех мессенджерах. Вы можете мне написать, если захотите.

– Конечно, – он поспешно свернул записку и сунул во внутренний карман куртки, – я постараюсь. Не обещаю, но постараюсь.

Он ненавидел себя за эту трусость. И жалел. Потому что знал, заранее знал, что даже рядом с самой прекрасной и понимающей женщиной будет чувствовать себя ущербным. Потому что даже самая прекрасная и понимающая женщина – не Софи. Люк помнил о ней все, до мельчайших деталей. Помнил, как ее серые глаза приобретали фиалковый оттенок, когда она грустила. Помнил, как ее бархатная кожа покрывалась мурашками, когда он расстегивал ее любимое платье – плотный ряд пуговиц-бусин вдоль позвоночника – и случайно прикасался к гладкой юной спине. Помнил, как они лежали на прожаренной солнцем траве, держась за руки, и Софи рассказывала ему сказки о проплывающих над ними облаках. Он был уверен, что такие же истории она будет рассказывать их детям и он наконец-то узнает, добрались ли небесные кораблики в свою светлую гавань. Люк помнил, как колотилось его сердце, когда Софи ускользала из его объятий на крыльце своего дома – ему казалось, что дверь за ней сейчас закроется и это будет навсегда. Но наступал новый день и она возвращалась, наполняя пространство вокруг себя нежным сиянием.

– Ты светишься, будто рождественская гирлянда, – подтрунивал над ним отец. – Не теряй голову, а то зачем ты такой, безголовый, потом Софи?

– Да он уже все на свете потерял, – смеялась мать. Она вообще чаще стала смеяться, когда познакомилась с девушкой сына, и ледяная корка, под которой покоилось ее сердце, будто начала таять, истончаться, все чаще пропускать запертое внутри тепло.

Родители были уверены – до свадебных колоколов рукой подать. И это было естественно: Люку почти двадцать пять, Софи – двадцать два, они вместе третий год и все еще без памяти влюблены друг в друга. Так бы и произошло, если бы не тот день в октябре. Проклятое число тринадцать.

Внезапно Люк осознал, что сегодня не просто октябрьское утро.

Сегодня тринадцатое, и до катастрофы – он глянул на часы – осталось меньше сорока минут.

"Не успею, уже не успею", – судорожно соображал он, прикидывая маршрут до того злочастливого перекрестка, где двенадцать лет назад утром тринадцатого октября их с Софи на пешеходном переходе снес потерявший управление грузовичок. В то утро счастливая жизнь Люка и дала трещину: сложная черепно-мозговая травма, на которую наложилась невесть откуда взявшаяся простуда, вылезли осложнения – и звуки его солнечного мира начали затихать, становясь все глуше и дальше, пока не растаяли совсем.

– Это временно? Это ведь можно исправить? – Софи рыдала в кабинете врача, держа ничего не понимающего Люка за руку. Читать по губам он тогда еще не научился. Он видел, как по щекам любимой, самой нежной женщины катятся крупные слезы, и совершенно не связывал это со своим будущим. С их общим будущим.

Из кабинета они вышли, обнявшись – еще вместе, но в глубине души Люка уже пустило корни одиночество. Перед глазами стояли, расплываясь от слез, несколько слов, наскоро написанных доктором на листке из блокнота: буквы рвались из равнодушных клеток – "Люк, вероятность того, что слух восстановится, почти нулевая. Нужно учиться жить по-другому". Тишина. Его ждет мертвая тишина. Не будет больше сказок про облака. Не будет переливов солнечного смеха Софи. Не будет ее сонного дыхания. Ничего не будет.

Он старался сдерживать рыдания, но когда в больничном коридоре появились родители – сломался. Ринулся, как обиженный пятилетка, в объятия мамы, рухнул перед ней на колени и уткнулся головой в мягкий, теплый даже через осенний плащ живот. Наверное, в тот момент Софи и почувствовала себя лишней? И отец – тоже. Жюли вывела сына на крыльцо. "Дыши, дыши!" – это были первые слова, которые он смог разобрать по движению губ. И Люк дышал, вбирал легкими прозрачную горечь осени, впитывал глазами пронзительную обреченность ноября – оказывается, он пробыл в больнице почти месяц. Как странно: порой пролетает целая жизнь и – ничего не меняется ни в тебе самом, ни в твоём представлении о мире, а иногда месяц, день, да что там – иногда мгновение меняет все. Навсегда. Бесповоротно. И оглядываясь назад, ты можешь только грустить о том, что у тебя, оказывается, было гораздо больше, чем нужно для счастья. Тогда, на больничном крыльце, вцепившись в холодные металлические поручни, словно они могли придать сил, Люк решил для себя, что больше ничего не будет. Разве можно жить в абсолютной тишине? Разве можно любить женщину, если ты не слышишь ее голос? Разве можно любить его, сломанного и отказавшегося даже от попыток снова почувствовать радость?

Но Софи старалась. Она писала ему трогательные записки и развешивала их везде, где он только мог наткнуться взглядом на разноцветные стикеры. Слова, слова, так много слов – без повода и в тщетной попытке вернуть его глазам улыбку. Их маленькая квартирка в какие-то дни напоминала рождественскую елку, вся в бумажных флажках – синие, красные, желтые, нежно-салатовые. Желтых стикеров было особенно много. Софи говорила, что это осколки солнца. Она любила желтый цвет. И быть может, Люк мог бы оттаять, зацепиться за краешек этой пусть изменившейся, но все-таки жизни. Если бы не мать. Жюли всегда незримо

была рядом. Когда с единственным сыном случилась беда, она как-то вдруг встрепенулась, будто обрела новый смысл, и заполнила собой пространство вокруг. Они по-прежнему ладили с Софи и подолгу разговаривали о чем-то, когда Жюли приезжала в гости. Всегда без предупреждения. Люк радовался этим моментам – ему хотелось побыть одному, сидеть в глубине комнаты, откинувшись на диванные подушки, и разглядывать потолок. В зависимости от погоды за окном тени разыгрывали для него разные сценки, рисовали смутные, почти прозрачные силуэты, которым он выдумывал имена и роли. Это были печальные истории – о потерях, о предательстве, о безнадежности и прощании.

Когда Жюли уезжала, неизменно взяв с сына обещание, что он выберется в родительский дом с ответным визитом – "И возьми зубную щетку, может, заночуешь. Софи не помешало бы отдохнуть, встретиться с подругами" – Люк испытывал странное чувство. Какую-то тягучую, болезненную тоску, окунавшую его в детские воспоминания: вот он снова маленький мальчик, мчится навстречу своей безразличной матери, и вдруг она распахивает объятия, но нет – он уже взрослый и больше не может прижаться щекой к прохладному шелку платья, чтобы не выглядеть при этом странно. Хочет, но не может. Софи считывала его душевные метания и мрачнела лицом. Вечера они все чаще проводили врозь: Люк за разглядыванием потолка, Софи – на крохотной кухне с бокалом белого вина. Поэтому когда Люк взял в гости к матери зубную щетку и пару сменного белья, а Софи позвонила подруге, чтобы пригласить ее на ужин в ресторан, никто не удивился.

Иногда они встречались в постели. Прижимались друг к другу, как два смертельно уставших в поисках приветливого дома путника, и молчали. Люк разглядывал ее лицо, запоминая, как мягко ложится на щеки тень от ресниц, и как серая, похожая на пасмурное октябрьское небо радужка наливается фиолетово-сиреневым сиянием. А Софи... Что Софи? В те дни ее чувства для Люка не имели особого значения. Он упивался своей непохожестью на других, своей драмой и даже мысли не допускал, что есть на Земле кто-то несчастнее него. Для Софи, он был убежден, ничего не изменилось: он все так же влюблен, все так же верен, все так же нежен и горяч – молодость не сбросишь со счетов.

Она исчезла за несколько дней до первой годовщины аварии. Они собирались вместе сходить на тот перекресток и придумать, как жить дальше. Но вместо этого Люк, вернувшийся чуть раньше от матери – передумал оставаться ночевать, застал Софи складывающей вещи в дорожную сумку. Уже упакованный чемодан стоял возле двери. Она явно не ждала, что он вернется, и не сразу заметила его, погруженная в свои мысли. Он оперся о дверной косяк и молча наблюдал, как его прекрасная Софи прощается с комнатой, где они были так счастливы и так одиноки. Она задержалась возле комода, взяла их общую фотографию в тонкой золотистой рамке – Софи любила желтый и все его оттенки – и задумалась, словно решала, нужна ли ей в новой жизни память о неудачнике Люке. Тонкие ее пальцы чуть подрагивали. Это все-таки непросто – уходить, когда сердце остается здесь. Прежде чем она заметила его присутствие, Люк успел подумать, что зря не остался ночевать у родителей. Быть может, не застань он Софи за сборами, не было бы так больно.

– Это потому что я инвалид? – спокойным, даже слишком спокойным голосом спросил он. Жестокие слова ткнулись в ее гибкую, такую любимую спину, как ножи.

Софи медленно положила фотографию в сумку и также медленно повернулась к нему лицом. Странно, она даже не плакала, но было в ее взгляде что-то такое... Что-то совершенно незнакомое, что-то, разделившее "мы" на "я" и "ты". И Люк понял: ничего не исправить.

– Не говори ерунды, – прочитал он по губам. Софи прекрасно знала язык жестов, но не стала облегчать ему задачу. – Почему ты не у мамы?

– Не знаю, – честно признался он, – потянуло домой. А ты куда собралась?

– Люк, послушай, – Софи все же сбилась, нижняя губа предательски дрогнула и стальной взгляд наполнился фиалковым цветом. – Люк, ты слишком занят собой. И я чувствую, что мне больше нет места рядом.

– Но мы же сходим на тот перекресток? Ты обещала, – он нес совершенно неуместную чушь, но лишь потому, что не мог подобрать хоть сколько-то значимых слов.

– Не в этот раз, – Софи застегнула "молнию" на сумке и неуверенно сделала шаг навстречу.

Потом Люк много думал, был ли этот шаг попыткой остаться? Может, если бы он сгреб Софи в охапку, дал ей выплеснуть горе, зацеловал бы ее мокрые от слез глаза, может, тогда бы все было иначе? Но он просто отступил в сторону, давая ей пройти. Софи казалась невозмутимой. Она положила ключи от их квартиры на столик в прихожей и открыла дверь.

– Жюли? – Люк, конечно, не услышал этого, но физически почувствовал, как заискрился от напряжения воздух в комнате. Сейчас мать обрушится на него с упреками – она нежно любит Софи, как собственную дочь. Но Жюли словно приняла вахту: одна женщина вышла из его судьбы, другая – вернулась. Больше он никогда не встречался с Софи, но каждый год тринадцатого октября ходил на тот перекресток в надежде, что и она тоже придет. Невероятно, что в этот раз даже мысли не мелькнуло, и мама не напомнила. Наверное, так и наступает забвение – ты просто выбираешь другой маршрут.

Проживая мысленно тот день, Люк не заметил, как узкая улочка вывела его к кафе, где они с Софи до аварии часто устраивали свидания без повода. Было здорово хрустеть круасаном и болтать ни о чем. Он поспешил пройти мимо знакомых панорамных окон и вдруг боковым зрением заметил ее. Да, это точно была она! Немыслимо – после стольких лет, после тысячи раз прокрученной в голове картинки их случайной встречи, где каждый из сценариев возвращал ему любовь и способность дышать полной грудью. Но Софи была не одна. Люк остановился, подошел ближе, почти вплотную к окну и на секунду, кажется, даже услышал, как звякнули тонкие металлические браслеты на ее запястье – неужели те же самые? Софи легким движением поправила темную челку, упавшую на глаза мальчику лет десяти-одиннадцати, и что-то сказала улыбчивому мужчине, сидевшему рядом с ребенком напротив нее. Мужчина расхохотался, чуть откинув назад голову, а мальчик растерянно смотрел то на Софи, то на своего соседа по столику, и легкая улыбка тронула его губы.

Она почти не изменилась. Русая копна волос каскадом ложилась на плечи, пряди возле лица, словно высветленные солнцем, игриво пружинили вслед за каждым ее движением. Желтый газовый шарфик сполз с плеча и змеился сейчас по темной лакированной поверхности стола. Перед Софи стояла чашка с кофе, мальчик пил молочный коктейль, мужчина – чай из большой кружки. На круглой тарелке в центре столика лежали несколько круассанов. “На его месте должен быть я!”, – в голове Люка вопил и заливался слезами потери, теперь-то уже явной и бесповоротной, забытый двадцатипятилетний возлюбленный, вдруг осознавший, что двенадцать лет ожидания закончились прямо сейчас. Закончились сокрушительным провалом. И в этот момент Софи заметила его.

Так бывает только в кино. Мир по обе стороны оконного стекла словно растворился, отступил на шаг назад, и на планете не осталось никого, кроме них двоих. Глаза Софи расширились, и Люк заметил, что серый цвет разбавлен прожилками густого фиалкового – таким иногда бывает небо в предчувствии грозы. Она хотела что-то сказать, но не могла. Тогда сказал он.

– Привет. Я так рад тебя видеть.

– Привет, – он был готов читать по губам дальше, но Софи снова замолчала. Потом спохватилась и показала жестами: “Как ты живешь?”

– Я в порядке, – указательным и средним пальцами обеих рук, выпрастанными из сжатых ладоней, два раза к себе. – Живу с мамой. Гуляю.

– О, – нежного лица Софи коснулась тень легкой печали, – передавай Жюли привет.

– Как ты? Это твой сын?

Софи быстро глянула на мальчика и улыбнулась: “Да. Это Дидье, ему одиннадцать”.

– Ты вышла замуж?

– Почти, – она снова улыбнулась. – А ты женился?

– Нет. Как бы я смог?

– Мама возражает? – в глазах Софи мелькнуло странное то ли ехидство, то ли обида. Это было так непохоже на нее.

– Нет. Мама как раз за. Просто я не могу.

– Почему?

– У меня же есть ты.

Софи молчала. Эта пауза тянулась целую вечность. Люк ждал хоть каких-то слов с обреченностью приговоренного к смерти. “Ну же, ну? – мысленно молил он. – Скажи, что все это была дурацкая шутка, что ты никуда не ушла, что наша маленькая квартирка как раз ищет арендаторов, что чемодан так и стоит не разобранным, что мы должны быть вместе. Скажи же!”

– Люк, прошло двенадцать лет. Понимаешь? Лет, а не дней. И даже не недель. Все изменилось.

– Я понимаю, понимаю, – он так старался быть убедительным, что перешел почти на крик и вдобавок отчаянно жестикулировал. – Но какая разница? Мы снова встретились, мы оба здесь. Это не случайность.

– Случайностей вообще не бывает, – как-то криво усмехнулась она. – И я больше не люблю тебя. У меня есть сын и почти муж. Нет, не почти – муж. С тобой мы все давно решили.

– Решение можно изменить, – Люк из какой-то необъяснимой упертости сопротивлялся очевидному. Не мог принять простую правду – Софи его не любит. Она так легко это сказала – слова, которые он не мог услышать, вспорхнули с ее мягко очерченных губ прозрачными мотыльками и разбились об оконное стекло между ними.

Мужчина, сидевший напротив нее, встревоженно переводил взгляд с Люка на Софи и снова на Люка. Кажется, он понял. Нет, кажется, он все знал. Знал гораздо больше своего незадачливого соперника. Осторожным, но уверенным движением мужчина приобнял Дидье и словно притянул мальчика к себе, прикрыв детскую спину. Этот жест Люк считал безошибочно – блондин не собирался отдавать свою женщину и ребенка. Никому.

Только сейчас Люк взглянул на мальчика и – словно посмотрел в зеркало: темные волосы, зеленые глаза, благородный овал лица, аристократический нос. Даже аккуратная небольшая родинка на подбородке – словно Бог нечаянно обронил микроскопическую искру темного шоколада, пронося кисточку к ярко выраженным бровям. Даже родинка...

Люк пошатнулся – ноги налились ватной тяжестью. Чтобы не упасть, он инстинктивно оперся ладонью о стекло. “Моя Софи обязательно приложила бы ладошку с той стороны”, – мелькнула отчаянная мысль. Эта Софи сидела неподвижно и не опускала глаз. Он видел,

как фиалковые прожилки растворяются, блекнут. Ее печаль уходила, превращаясь в его боль. Теперь они точно в расчете.

– Дидье, он... – одними губами произнес Люк, мысленно умоляя Софи о пощаде. Пусть она рассмеется сейчас, всплеснет руками, превратит эту случайную встречу в шутку, в воспоминание, которое поболит и все равно отпустит однажды. Пусть она будет милосердна, пусть...

– Да, ты все правильно понял, – Софи не была жестокой, она лишь подтвердила правду, которую он и так уже знал. – Передавай привет Жюли. Скажи, что мы, как обычно, будем ждать ее в нашем кафе в четверг.

Люк не помнил, как очутился в парке, что в трех кварталах от злосчастной кофейни. Голова кружилась, желудок корчился от спазмов – почему он еще жив? Он хватал ртом воздух как выброшенная на берег рыба. Жюли, Дидье, Софи, чье внезапное исчезновение двенадцать лет назад он так и не смог себе объяснить. Вернее, объяснил – ее слабостью и малодушием. Но мама? Она все знала – Жюли встречалась со своим внуком, которому не позволила стать сыном Люка, по четвергам. Все эти годы! Она знала, как мучительна его жизнь без Софи, и никогда не говорила, где ее найти. Его мать – чудовище, гребаная Снежная королева, возомнившая себя вершителем судеб. Это она – она, а не та проклятая авария – стерла его из жизни. Она дергала за ниточки, а он как дурак, как ленивый самовлюбленный болван, позволил ей контролировать каждый свой шаг.

...Люк вернулся домой, когда над Лонжюмо разливался розовый, с золотистой корочкой по краям вечер. Небо было безмятежным. Ни звука, ни ветерка, ни планирующих в октябрьском танце листьев, которые прозрачными стежками могли бы сшить прореху в его опустошенной душе, чтобы она заново начала наполняться чувствами. Он знал, что Жюли слышит его шаги по коридору также отчетливо, как минутой ранее слышала поворот ключа в замочной скважине. Мать по обыкновению была на кухне, что-то готовила и, обернувшись на него мельком, приветливо улыбнулась.

– Я встретил Софи, – он помолчал, мысленно оценивая свою готовность к разрыву и свою зависимость от матери. – И Дидье.

Жюли окаменела. Только что она едва ли не пританцовывала у плиты, наверняка мурлыча себе под нос какую-то песенку, и вдруг напряженно замерла. Люку показалось, что даже время остановилось – вселенские незримые часы показывали Судный день. На секунду он почувствовал себя маленьким мальчиком, который все бежит и бежит навстречу маме, задыхаясь и размазывая обидные слезы по лицу, а ее силуэт все равно становится все дальше, сжимаясь до крохотной точки ослепительного света. И мальчику страшно. И хочется все отменить, лишь бы мама вернулась, лишь бы приняла в свои теплые, пахнущие зарождающимся летом объятия. Лишь бы она сказала, что все еще будет хорошо. Лишь бы не предала.

Жюли собралась, будто бы даже встряхнулась и решительно крутанулась на каблуках домашних туфель, поворачиваясь к сыну лицом.

– Как чудесно, – она явно понимала, насколько фальшивой выглядит ее улыбка, но продолжала играть роль. – Надеюсь, Дидье здоров?

– Конечно, – Люк зачем-то включился в игру, хотя ему хотелось орать и разнести эту кухню нежных пастельных оттенков в дребезги, в пыль. – У Софи тоже все хорошо. Передавала тебе привет и сказала, что ждет тебя на вашем месте в четверг. Ты ничего мне не хочешь объяснить, мама?

Жюли глупо улыбалась, но пальцы безвольно повисших вдоль тела рук чуть подрагивали. Люк понимал, что видит мать в последний раз. Его разрывало от мучительной, болезненной любви к ней, всегда такой недостижимой, – и от жестокого разочарования, внутри которого

вызвали черные зерна ненависти. Одновременно ему хотелось и обнять ее, и вlepить пощечину, настолько звонкую, чтобы проклятая тишина вокруг дала трещину.

– Зачем ты отняла у меня жизнь?

– Люк, милый, не говори так, – Жюли умоляюще смотрела на сына. Она тоже все понимала и сейчас старалась запомнить как можно больше – бисеринки выступившего на его высоком лбу пота, лихорадочный румянец, линию бровей, прозрачный из-за падающего через кухонное окно закатного солнца завиток ушной раковины. – Я обязана была защитить тебя.

– От чего? – взревел он, поддавшись волне горячего гнева, что окатила его с головы до ног. – От Софи? От моего сына?

– Ты не был готов. Ты был слишком слаб и раздавлен. Она все равно бы ушла, потому что ты не справился бы. Но тебе было бы больнее – ты бы уже знал о мальчике. И это разбило бы твое сердце.

Жюли несла такой бред, что Люк расхохотался. Он смеялся и смеялся, не мог остановиться. Он смеялся, пока не почувствовал, что по его лицу текут слезы. Мать шагнула к нему. Зачем? Утешить? Очень смешно.

– Не надо. Не смей! Ты уничтожила мою жизнь. Ты, только ты, – он испытывал странное удовольствие, наблюдая, как ее лицо заливают мертвенная бледность, как кривятся в извиняющейся улыбке губы.

– Люк, мы все исправим. Позволь мне... – Жюли в мольбе протянула к нему руки.

Он попятился. Шаг. Еще один. Потом резко развернулся и почти выбежал из дома, в котором он больше не мог дышать. Люк побрел по направлению к центру города, до первого отеля и, обернувшись последний раз на окно, за которым угадывалась фигура Жюли, поймал себя на страшной мысли – “Лучше бы у меня вообще не было матери”...

АЛИСИЯ

13 октября

Где-то в Испании

Даже во сне она не могла найти маму. Все бежала и бежала на какой-то смутный свет, придумав, что там, где светло, там они обязательно встретятся – и никак не могла добежать. Этот сон терзал ее каждую ночь, в самые темные часы, но ближе к рассвету таял, растворялся бледной дымкой – до следующего вечера.

– Просыпайся, просыпайся, соня, – кто-то ласково теребил ее за плечо. – Пора умываться и завтракать. Ну же, Алисия, посмотри, какое дивное утро!

Когда уже проснешься, в уютном коконе одеяла так спокойно и не страшно, что выбираться во внешний мир совершенно не хочется. Да и зачем? Алисия точно знала, как сложится этот день: унылая каша и апельсиновый сок в таком же, как у всех остальных, стакане, тягучие и скучные уроки, где сеньор Кортес будет занудно бубнить себе под нос что-то совершенно не имеющее отношения к ее жизни, паэлья на обед. Нет, конечно, сеньора Гарсия готовит ее божественно, но – надоело. Потом еще прогулка в парке возле приюта, который она почему-то должна была называть своим домом. Хотя прогулки Алисия любила. Лучшее время дня: в траве еще путаются солнечные лучи и можно воображать, будто ты шагаешь по небесной лестнице, где каждая ступенька – блик света. А под раскидистым дубом, к которому присло-

нился забор, у нее, Алисии, есть собственное секретное место – уютная впадина между мощными, выпирающими из-под земли корнями, где так легко свернуться в клубочек и стать невидимкой.

– Алисия, ну хватит! – женский голос становился настойчивее. – Поднимайся!

Алисия фыркнула и вынырнула из одеяла. Со стороны она сейчас выглядела забавно – взъерошенные темные волосы, удивленно выглядывающие из-под густой челки кофейного оттенка глаза, нежно очерченный рот, готовый вот-вот улыбнуться.

– Ты такая славная, – женщина ласково потрепала девочку по голове. – Хотя и вредная. Вперед, умываться!

Алисия, недовольно сморщив нос, прошлепала босыми ногами в ванную комнату. Паола смотрела ей вслед. Почему-то именно эта девочка запала ей в душу с первого дня работы в детском приюте. Почему? Наверное, из-за того странного вопроса, которым встретила ее Алисия.

– А ты ведь могла бы быть моей мамой, – пристальный взгляд пронзил ее насквозь. – Ты уверена, что не моя мама?

– Вряд ли, – растерялась тогда Паола. – Мне ведь всего двадцать три, а тебе, кажется, лет девять-десять?

Девочка кивнула: “Почти десять”. Паола развела руками: “Значит, я никак не могу быть твоей мамой. Когда ты родилась, я была почти как ты сейчас, чуть старше”. Интерес в глазах Алисии моментально погас, будто кто-то выключил свет. “Ну ладно, – равнодушно подытожила она и наклонилась зашнуровывать кроссовок. – Тогда пойду гулять”. За целое лето, что Паола провела в приюте, она так и не привыкла к мгновенной смене настроений Алисии. Так и не разгадала, что кроется за ее молчаливой покорностью, которая нет-нет да взрывается приступами неконтролируемой ревности. Как в тот вечер, когда Паола, облепленная со всех сторон смеющимися детьми, увлеклась игрой и не заметила, что Алисия выскользнула из общей гостиной. Она нашла ее через полчаса под старым дубом. Тоненькие девичьи плечики вздрагивали – плачет. “Dios mio! – Паолу обожгло чувством вины. – Ну зачем же ты так, Алисия? Почему ты плачешь?”

– Ты! Ты предательница! – девочка резко вскочила на ноги, повернувшись к Паоле лицом. Испачканными землей ладошками она размазывала злые слезы по щекам, глаза сверкали таким гневом, что молодая женщина на секунду испугалась. Она пришла в приют волонтером – набраться педагогического опыта, понять, под силу ли ей вообще работать с детьми, – и совершенно не ожидала, что столкнется с таким ураганом, спрятым в худеньком тельце маленькой девочки. – Ты бросила меня! Ты как мама!

Осторожно, стараясь не навредить, Паола протянула к Алисии руки – девчонка оцетинилась, заискрила злостью. “Уходи! Уходи отсюда! – она попятилась спиной, словно ища защиты у мудрого, все понимающего дерева, и вдруг оступилась, жалобно ойкнула. – Нога...” Паола успела подхватить ее, пошатнувшуюся от приступа боли, и почувствовала, как только что сжатое в пружину тело обмякло в ее руках.

– Ну все, все, – прижав к себе девочку, Паола сама едва не расплакалась. “Как мама” – что же приключилось с тобой, малышка? Когда ты научилась верить в людей?

Ответа на этот вопрос не нашлось и спустя несколько месяцев. И сейчас Паола ждала, когда Алисия вернется в комнату, чтобы одеться к завтраку. Пока девочки не было, она акку-

ратно застелила постель, что было строго запрещено – детям нужна самостоятельность, достала из шкафа темно-синее платье в легкомысленных бабочках, хотя белоснежный воротничок и придавал ему строгости, и залюбовалась им. В этом платье Алисия была похожа на грустного ангела, который зачем-то спустился на Землю и, кажется, потерял дорогу домой.

– Ты же заплетешь мне косы? – голос за спиной раздался так неожиданно, что Паола вздрогнула.

– Ну скажешь тоже – косы, – женщина улыбнулась, – Ты же знаешь, они у тебя не получаются.

У Алисии были густые, тяжелые волосы чуть ниже плеч, переливались драгоценной волной темного, шоколадного цвета. А косички выходили смешные – толстенькие, как сардельки, топорщились в разные стороны. Девочка знала это, но смысл был в другом – детская душа трепетала, когда нежные пальцы Паолы, совсем как мамы, гладили ее по волосам, бережно разделяя копну пополам четким пробором, и по очереди плели косички. Сперва правую, потом левую. Жаль, это утреннее волшебство так быстро рассеивалось – раз и словно ничего не было.

– Готово, – Паола ласково провела ладонью по заплетенной девичьей голове, – можешь полюбоваться.

Алисия коротко кивнула. Больше всего ей хотелось поддаться порыву и обнять Паолу, но она уже знала, что со стороны это выглядит странно – будто она не просто воспитанница детского приюта, а Паола – не просто помощница воспитателя. Будто они сговорились сбежать в какую-то другую жизнь, где ее, Алисию, наконец-то назовут дочкой. Иногда она представляла, как будет звучать “mi novia” – девочка моя – голосом Паолы. И в ее голове звенели хрустальные нотки зарождающегося дня. Знаете, бывают такие, совершенно особенные утра, обычно в самом начале лета, когда зелень еще совсем юная, прозрачная в сиянии бесшабашного солнца, и весь мир искрится мельчайшими бисеринками росы. И ты замираешь в восхищении, не в силах сделать шаг в новый день – чтобы не разрушить совершенство момента. Наверное, похожие чувства испытала бы и Алисия, если бы нашла маму. Или кого-то, кто захочет ей стать. Но этот кто-то так и не объявлялся.

Алисия шла в столовую. Длинный коридор, вдоль которого были натканы двери детских комнат, гудел голосами, словно растревоженный улей. Она не вслушивалась в утреннюю, похожую на чириканье воробьев, болтовню девчонок, мальчишеские победные вопли – они уже устроили догонялки – пролетали сквозь нее. Она шла, прямая, строгая, и только бабочки на подоле синего платья трепыхались возле ее колен от каждого шага. Алисии было девять лет и десять месяцев. За ней закрепилась слава странной девочки, которой не дай бог понравиться – Алисия влюблялась в людей сразу и смертельно, окружала вниманием, словно глухим забором до самого неба. С ней было больно дружить. В последние годы никто и не пытался этого делать. Воспитатели были корректны и вежливы, учителя отдавали должное ее проницательному уму, но не более того. Дети не звали играть вместе, потому что Алисия не понимала игр и их правил – она должна была побеждать. Всегда. Любой ценой. Для нее это был вопрос выживания.

– О, какая красавица к нам пожаловала, – сеньора Гарсиа будто не умела говорить простое "привет" или "доброе утро", каждый раз подбирая какие-то совершенно неуместные слова. Ее голос громыхал под потолком уютной общей столовой, как те кастрюли, что она по старинке ворочала на кухне. Сейчас в приюте, который официально назывался красивым словом “резиденция”, жили почти пятьдесят детей, готовить нужно было много.

– А есть омлет? – спросила Алисия, проигнорировав "красавицу". – И чай.

– Есть, – грозная с виду повариха так светло улыбнулась, что девочка едва сдержалась, чтобы не просиять в ответ. – Присыпать сыром? А вместо чая я тебе очень рекомендую горячий шоколад. С зефирками. Как ты любишь.

Омлет действительно был вкусным. Наверное, у Гарсиа есть какой-то секретный ингредиент, который превращает обычный завтрак в маленький праздник. Алисия каждый раз была разочарована собой – ну почему ломтик пышной яичной смеси с долькой черри зажигал ее внутреннее солнце? Всего лишь еда, которая каким-то непостижимым для детского ума образом заставляла ее зажмуриться от удовольствия и чувствовать, как внутри поднимается теплая волна радости. Видит Бог, она сопротивлялась этим приступам совершенно глупого, бессмысленного счастья – она-то знала, что нужно сохранить, не расплескав ни капельки, эти чувства для встречи с мамой, ведь только тогда она сможет начать жить. Но все равно не могла удержаться и... Проклятый омлет!

– Тебе понравилось? – сеньора Гарсиа обернулась на звук сердито поставленной возле кухонной раковины посуды. – Ну вот, даже шоколад не попробовала. Алисия, у тебя все в порядке?

Девочка уже направлялась к выходу из столовой. Прямая, напряженная, словно в любую секунду готова взорваться гневными слезами. Гарсиа покачала головой, вздохнула – сколько ни работай с детьми, переживающими одиночество и горе, к этому не привыкнешь. А про Алисию чего только не говорили: неуравновешенная, эгоистичная, злая, манипуляторша с ангельскими глазами, переезжающая из резиденции в резиденцию, потому что нигде не может прижиться. Детские коллективы отторгают ее как инородное тело. А подстраиваться, фальшивить – смысл? Алисия давно решила для себя, что правильнее держаться в стороне от людей, которые никогда не станут ей близкими, чтобы ничто не отвлекало ее от самого главного дела в жизни – ожидания мамы. Она не знала, когда это случится, но ни на секунду не сомневалась – прямо сейчас где-то женщина, которая ее родила, ищет к ней дорогу. Поэтому и нужно врезаться в память нянечек, воспитателей, директоров резиденций, чтобы они с ходу могли дать подсказки: "Ааа, это та самая девочка? Записывайте адрес". Алисия очень старалась. Дерзила, нарушала правила, раздражала своей неразговорчивостью и неуживчивостью. И пугала, до чертиков пугала способностью моментально прикипеть к человеку, в котором вдруг чувствовала что-то созвучное, родное. В этой резиденции таким человеком стала Паола и чуть-чуть Гарсиа. Остальных для девочки с тяжелым взглядом очень красивых темных глаз не существовало.

– Алисия, тссс, Алисия, – кто-то шепотом окликнул ее, когда она уже собиралась потянуть на себя ручку массивной двери, ведущей в класс.

Алисия растерянно обернулась:

– Паола? Что ты здесь делаешь?

В это время практикантка обычно гуляла с малышами на детской площадке, скрытой от глаз пышными кронами деревьев. Иногда Алисия, заскучав на уроках, украдкой посматривала в окно – надеялась мельком увидеть Паолу, но это никогда не удавалось. В приоткрытую оконную створку – октябрь в Испании выдался теплым и солнечным – долетали только звонкие детские голоса. О, как они раздражали – зачем в них столько счастья? Как можно быть счастливым, когда ты абсолютно одинок?

– Алисия, – Паола выглядела очень загадочной, – ты знаешь, какой сегодня день?

– Тринадцатое октября, день как день, – равнодушно повела плечом девочка.

– Правильно, тринадцатое октября. И сегодня тебя ждет большой сюрприз. Мне кажется, ты будешь очень, очень рада.

Алисия на секунду перестала дышать. Легкие словно обожгло изнутри, а по телу прокатилась волна такой крупной дрожи, что бабочки на синем платье затрепетали. Это и есть истинное счастье? Так его и ощущаешь? Внутри нестерпимый жар, но кожу покалывает, словно воздух, который обнимает тебя, соткан из миллиардов крошечных ледяных иголок, земля уходит из-под ног – ты паришь в невесомости, не осознавая себя. Тебя словно нет, но ты – есть.

– Алисия, все хорошо? – голос Паолы был встревоженным, а прикосновение, вернувшее девочку в солнечное октябрьское утро, очень осторожным.

Теплое касание словно расколдовало ее. Алисия, еще не до конца осознавая собственные чувства, посмотрела на Паолу испуганными и одновременно полными надежды глазами. Неужели? Неужели этот день настал? Она столько раз его представляла, думала, что накануне будет маяться странными снами, что предчувствия и знаки будут преследовать ее с самого утра, а все оказалось таким будничным – завтрак, обычная толкотня в коридорах, на ней самое простое платье и только Паола с сияющим лицом. И даже небо не расколосось внезапной грозой. Ничего необычного.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – спросила девочка, не отрывая взгляда от молодой женщины. Было ощущение, что она пытается прочитать ее мысли, забраться в голову и получить ответ сию секунду.

– Все потом, после занятий, – Паола даже не представляла, какую бурю посеяла в маленьком сердце, поэтому беспечно приобняла девочку и поспешила дальше по своим делам. – Жди! Я вернусь после обеда. С сюрпризом.

"Разве она не понимает, что это жестоко?" – Алисия злилась, сосчитав в уме, что после обеда – это минимум через четыре часа. Какой ребенок выдержит пытку временем, когда речь идет о встрече с мамой? Да, для нее если что-то и могло стать радостью, то только появление матери. Паола прекрасно это знала и не стала бы тревожить Алисию по менее значительным поводам.

Интересно, какая она, мама? Наверняка красивая – Алисия же, как говорят, красивая, хотя сама она так не считает. Ну что такое красота? Платье? Цвет глаз? Изящные руки? Алисия как-то иначе оценивала людей, точно не по внешности. По ощущениям от них, скорее: если рядом с человеком тепло и ей хочется плакать – значит, можно доверять, а если хочется спрятаться с головой под одеялом – нужно быть осторожной. За свою маленькую жизнь Алисия видела уже очень много людей, самых разных. Она уже привыкла жить "под одеялом". И очень редко разрешала себе слезы – только когда душит жгучая злость. Но с мамой, конечно, все будет иначе. Как только она войдет в комнату, Алисия сразу же простит ей разлуку, тягучие черные ночи, когда не можешь уснуть без сказки, и это ожидание, которое длится целую вечность.

– Алисия, ты слышала, что я спросил? – цепкие глаза сеньора Кортеса изучали ее мечтательное лицо. – Ты не забыла, что у нас идет урок? Что это за рисунки?

Она машинально опустила глаза – ух, тетрадный лист был усеян звездочками, какими-то непересекающимися ломаными линиями, сердечками, вензелями. Почему-то она, задумавшись, машинально рисовала буквы "А" – Алисия и "S". Стелла? Стефания? Как зовут ее прекрасную маму, которая уже спешит к ней и наверняка ругается на Паолу за то, что та назначила встречу только на обеденное время.

– Алисия!

– Что? Ой... Нет, я не слышала, сеньор Кортес. Мне сегодня не до уроков.

– Позвольте полюбопытствовать, сеньорита, чем же таким вы заняты? – Кортес, когда нервничал, переключался на какой-то великосветский язык и даже к ученикам начинал обращаться на “вы”.

– Я жду маму, – бесхитростно улыбнулась Алисия.

Класс ахнул, Волнение, смешанное с завистью – обычное чувство для детских приютов – прокатилось шепотками, а сеньор Кортес изумленно крикнул и закашлялся. От Алисии всего можно было ожидать, но такие шутки! Еще и при всех детях. Возмутительно.

– Алисия, мне об этом ничего неизвестно, поэтому прошу тебя вернуться на землю и заняться решением задачи, – учитель отошел от ее парты и двинулся дальше, мельком заглядывая в тетради учеников.

Алисия смотрела в его удаляющуюся спину и чувствовала, как внутри закипает гнев. Сеньор Кортес, неудачник в старомодном пенсне, смеет сомневаться в том, что сегодня она встретится с мамой? Да что он вообще о себе возомнил? “Нет, никто, никто не испортит ей сегодняшний день”, – решила Алисия и уткнулась в тетрадь. Решит она эту дурацкую задачу, лишь бы к ней не приставали с вопросами и разговорами.

Но “спрятаться под одеяло” не получилось. Одноклассники то и дело бросали на нее быстрые взгляды, как бы спрашивая: “Правда? К тебе правда едет мама?”. И непонятно, чего было больше в этих взглядах – тревожной радости или надежды на то, что Алисия наконец-то исчезнет из приюта, не будет смущать своей колючей прямолинейностью. Все еще помнили историю с Шарлем, мальчиком, который, потеряв в страшной дорожной аварии обоих родителей, попал в приют буквально на пару дней – пока его бабушка летела из Парижа и занималась документами. От горя Шарль был почти прозрачный и будто темно-серый внутри. Ничего не ел, не пил, молчаливой тенью проплывал по коридорам, замирал в дальнем углу. Даже взрослые побаивались к нему подходить, чтобы не сделать еще больнее. Но Алисия не побоялась. Когда дети вышли на прогулку, и Шарль – тоже, смертельно раненой птицей нахохлился на отдаленной скамейке, носком ботинка ковыряя землю, Алисия решительным шагом направилась к нему. Этого никто не заметил. Ее вообще замечали, когда было уже слишком поздно.

– Привет, – она села рядом с мальчиком. – Ты же Шарль?

– Да, – словно листья прошелестели, таким был тихим его голос.

– А расскажи про своих маму и папу. Какие они были?

– Ну... – Шарль сглотнул ком в горле и снова прошелестел. – Хорошие.

– А мама? Красивая? Ты ее любил?

Мальчик смотрел на нее во все глаза, не понимая. Потом часто-часто заморгал, но горошины слез все равно покатались по его бледным щекам.

– Почему ты плачешь? Я разве что-то обидное сказала? Я, наоборот, завидую тебе даже.

Шарль побледнел еще сильнее, сжался. Отодвинулся на самый край скамейки, будто пытался отгородиться от напористой незнакомой девочки, которая умела причинять боль.

– Ну? Что ты молчишь? Ты не хочешь со мной разговаривать? – Алисия требовала ответа, требовала поделиться куском любви, которая жила в его сердце к родителям и в раз осиротела. Как и он сам.

Шарля колотила мелкая дрожь. У него не было сил встать и уйти – девочка словно пригвоздила его взглядом к скамейке. Но и оставаться здесь он не мог. Он смотрел на Алисию, но

видел искореженный красный автомобиль, которому так радовалась мама – они совсем недавно обновили машину. Видел лопнувший от удара чемодан, который вылетел из багажника и рассыпал по дороге все их веселое прошлое – цветные футболки Шарля, обрывки маминых платьев, отцовскую бейсболку и шорты со смешным принтом. Они ехали в отпуск и за секунду “до” обсуждали, что в отеле есть большой бассейн с горками. Шарль не помнил, что случилось. После вспышки, отключившей его сознание, он родился уже в новый мир – в мир мертвых глаз и беззвучного крика.

– Шарль, Шарль, что с тобой? – кто-то из воспитателей заметил, что мальчик бьется в истерику, и за этим молча наблюдает самая странная девочка в приюте. – Успокойся. Все хорошо. Сейчас все будет хорошо.

Его увели. Алисия осталась, силясь понять, что не так с этим парнем. Она правда завидовала ему – у него были родители. Да, она знала, что они погибли, но они были! Были с ним всю его жизнь, девять или десять лет – Алисия не уточняла возраст Шарля. Каждое утро, день и вечер у него были мама и папа. Как можно это не ценить? Как можно не радоваться, что у тебя остались запах маминых волос, звук папиного голоса, ваши разговоры, фотографии, память о том, как тебя гладят по голове и обнимают? У Шарля все это было, а у нее, Алисии, не было ни-че-го.

Она пыталась объяснить свою логику, когда директор приюта и несколько учителей пригласили ее на беседу. Для Алисии ситуация не стоила и ломаного гроша – она просто задала вопрос. Взрослые говорили какие-то непонятные слова – “эмпатия”, “чуткость”, “сопереживание”, но что кроется за ними, так и не объяснили. Оставшиеся дни, что Шарль был в приюте, за ней пристально следили, чтобы не допустить ее контакта с мальчиком. Потом его забрала бабушка, и Алисия так и не узнала, каково это – помнить мамин запах. Однажды она попробовала объяснить свой поступок Паоле, но та тоже не поняла.

Мысль о Паоле выдернула Алисию из воспоминаний. Фоновым шумом звучал голос сеньора Кортеса – значит, занятие еще не закончилось, а может, она не заметила перемену и переместилась в следующий урок. Что там со временем? Часы над школьной доской показывали почти полдень. Алисию словно током ударило – скоро, совсем скоро! Должно быть, Паола с мамой уже на пути сюда. “Господи, дай мне сил дождаться”, – взмолилась девочка, хотя никогда ни во что не верила. Но сегодня – нужно.

...Паола направлялась в сторону приюта. Осталось несколько кварталов, минут двадцать ходу. Ей хотелось побыстрее увидеть Алисию, заглянуть в счастливые кофейные глаза, но в то же время не спешила, смаковала предчувствие чуда и мысленно переваривала полученное утром разрешение – администрация приюта не возражает, если Паола будет забирать девочку на выходные и каникулы. “Вы уверены, – уточнил директор, – что готовы к этому? Алисия – сложный, травмированный ребенок. Она живет в мире своих фантазий и, боюсь, еще не скоро примет реальность”. Никому не хватало смелости сказать девочке, что мама никогда не придет. В личном деле Алисии была указана причина – женщина, которую грустный ангел с колючим взглядом ждет всю свою жизнь, умерла в родах. Да какая там женщина – девчонка семнадцати лет, ни разу за всю беременность не обратившаяся к врачам, пытавшаяся вытравить нежеланного ребенка таблетками и черт знает чем еще и заплатившая в итоге по высокому счету. Родственников роженицы и отца младенца долго пытались найти – тщетно. Единственной родной душой этой несчастной юной мамы была ненужная ей дочь.

Когда Паола узнала правду, решение пришло само собой. Да, ей всего двадцать три и она понятия не имеет, как это – жить под одной крышей со взрослым почти ребенком, но

она попробует дать Алисии хотя бы чуть-чуть. Хотя бы выходные и каникулы, а дальше будет видно.

Подарить девочке питомца посоветовали одновременно несколько человек – лучшая подруга Паолы, психолог приюта, сеньора Гарсиа, которая очень жалела Алисию, а продавец зоомагазина такое решение утвердил. Вместе они выбрали самое безобидное и, пожалуй, самое неприхотливое существо – золотую рыбку. И сейчас Паола торжественно несла ее в специальном пакете, наполненном водой. Рыбка и правда поблескивала золотыми искрами каждый раз, когда ее временный домик пронизывали лучи солнца. Интересно, Алисия будет рада?

– Ну? Где она? Я чуть с ума не сошла от переживаний, – Алисия нетерпеливо скакала вокруг Паолы и постоянно смотрела по сторонам, оглядывалась. – Она спряталась?

– Милая, ты о ком? – Паола приобняла девочку и вдруг поняла. Осознание раскололо чудесный теплый день предчувствием надвигающейся грозы. Алисия ждет вовсе не рыбку. Вовсе нет.

– Ну как это о ком? О маме. Она же с тобой?

Если бы кто-то в этот момент искал ответ на вопрос “Что такое вера?”, ему достаточно было бы увидеть глаза Алисии – ждущие, не допускающие никакого другого сценария, кроме встречи, которую она ждала всю жизнь. Это были глаза человека, который не то чтобы верит – знает, что будет так, а не иначе.

– Алисия, знаешь... – Паола лихорадочно соображала, как сказать, что ее сюрприз – это всего лишь золотая рыбка и предложение гостить по выходным у нее, Паолы, дома. – Прости. Наверное, я слишком неправильно выразилась утром, обнадежила тебя. Прости, пожалуйста. У меня пока не получилось найти твою маму.

Глаза погасли. В секунду. Словно внутри грустного ангела Алисии выключили свет, который все-таки пробивался сквозь плотную, искусственно выращенную защитную броню.

– Подожди-подожди, не расстраивайся, – Паола едва не плакала. Ну почему же она так сглупила? Ну почему не подумала о том, что девочка будет надеяться? – Смотри, что у меня есть. Это золотая рыбка. Она ведь волшебная – вот мы и загадаем вместе желание, чтобы мама нашлась. И рыбка исполнит, вот увидишь.

Алисия равнодушно посмотрела на пакет с рыбкой, перевела пустой взгляд на Паолу, потом опять на рыбку. “Спасибо, – она взяла пакет. Вода в нем бултыхнулась, а рыбка будто вильнула хвостом. – Я пойду в комнату”. Девочка развернулась и медленно побрела в девчончью спальню.

– Я тебя догоню. У меня есть маленький аквариум, специально купила. Сейчас принесу, – вслед Алисии крикнула Паола и снова подумала про себя: “Ну и дура же я!”.

Аквариум, вернее, небольшую круглую вазу Паола действительно купила специально. Для рыбки – самое то. Сейчас они с Алисией наполнят рыбий домик водой, обсудят, какие можно раздобыть камешки или ракушки. А что, если на каникулах они вместе съездят куда-нибудь на море? Вот тебе и ракушки. Они собирают самых-самых красивых. Они...

– Что ты делаешь? – ваза грохнулась об пол и разлетелась фейерверком стеклянных звезд. – Алисия, какого черта?!

Паола застала девочку в ванной комнате. Она стояла возле унитаза и выливала воду из пакета. Вместе с рыбкой. Потом медленно, будто выполнила тяжелую работу, нажала кнопку слива.

- Алисия, зачем? Как ты могла? Она же как друг. Она же живая.
- А я – мертвая. И никто живой мне не нужен...

САРА

13 октября

Где-то в Австралии

Живым будильником был Фил. Она уже привыкла просыпаться за несколько минут до его появления и просто лежала с закрытыми глазами, едва сдерживая счастливую улыбку. Вот послышались тихие шаги, жарким дыханием обдало щеку – и наступила тишина. Очень особенная. Ты слышишь, как рядом бьется любящее сердце, как разливается короткими теплыми волнами воздух в изголовье постели; чувствуешь такой родной запах, который уже много лет ассоциируется с радостью и желанием скорее обнять, но держишь паузу. “Бу!” – резко открываешь глаза и сразу же проваливаешься в золотистые озера глаз напротив, от неожиданности резко расширившиеся и в ту же секунду заискрившиеся счастьем узнавания.

– Фил, ну что же ты! Испугался? – протягиваешь руки навстречу легким утренним поцелуям. – Малыш, ну что же ты...

Этой игре “в гляделки” уже лет десять – кому угодно бы надоело, но только не Филу. Собаки вообще очень охотно поддерживают придуманные хозяином ритуалы, а начинать день с протяжного глаза в глаза – словно невидимой золотой нитью любви связываешь себя с кем-то – прекрасная же идея! По крайней мере Сара каждый раз чувствовала именно так – она наполнялась любовью. До самой макушки. И каким бы ни был потом день, она ощущала себя цельной. И сильной. И очень, очень нужной.

– Фил, – шепотом позвала она, не открывая глаз. Ничего не произошло. Нашупав на тумбочке возле кровати телефон, Сара вздохнула – опять проспала. Хорошо, что в офис ехать не обязательно – дизайнеры интерьеров в современном мире люди относительно свободные. Но все равно нужно вставать. В восемь часов обещала заехать Тесса, они собирались вместе позавтракать и прогуляться по пляжу, пока не стало слишком жарко. Бывали в Австралии такие октябрь, когда столбик термометра стремился к ста градусам Фаренгейта. По Цельсию это выглядит не так страшно – тридцать шесть градусов тепла, но все равно очень жарко. Нынешняя весна пока щадила Сару, которая перебралась в австралийскую Аделаиду из более прохладного американского Детройта и еще не свыклась с местным климатом. “Может, вернешься?” – постоянно интересовалась мама, когда они созванивались. Ну уж нет. Саре хватило недавней поездки в город детства. Она с трудом выдержала несколько дней в лучшем, между прочим, отеле и эту унылую конференцию, где большинство ее коллег соревновались в том, кто задвинет более пафосную речь. Спасли поездку только ужин с родителями и случайный парень – как его звали? Мишель, кажется? Дурацкое какое-то имя. Где она его подцепила? В таком же случайном баре с претенциозным названием, которое ей в жизнь уже не вспомнить.

Мешанину бессвязных мыслей прервал стук в дверь. “Тесса, черт возьми, уже восемь?” – Сара чертыхнулась про себя и, спотыкаясь и на ходу натягивая шорты, ринулась к двери.

– Я так и знала, – Тесса бесцеремонно толкнула ее плечом, шагнув в прихожую. – Все еще спишь, да? А я уже и в кофейню заехала, и маффины купила. Бегом, бегом умываться, засоня! Фила на тебя нет...

И тут Сара вспомнила – Фил умер. Пару месяцев назад. Именно поэтому она поехала на дурацкую конференцию в Детройт. Именно поэтому напилась в баре с незнакомцем и наутро

обнаружила себя в его постели. Именно поэтому сегодня она проснулась в тишине. Именно поэтому Тесса осеклась сейчас, поняв, что сболтнула лишнее.

– А я совсем забыла забыла, – Сара услышала свой бесцветный голос будто со стороны и ничего не почувствовала. – Наверное, все-таки нужно отдать кому-то его миски...

– Вот именно! – Тесса уцепилась за эту идею, переводя разговор, как ей казалось, в конструктивное русло. – Давай отвезем игрушки Филадельфии, вещи в собачий приют. Там пригодится. Вот прямо сегодня можем и отвезти. Ты собирайся давай, а я пока завтраком займусь.

Девушка прошла на кухню. “Сара, ты вообще хоть что-то готовишь? – крикнула она в глубину квартиры. – Такое ощущение, что ты недели две в холодильник не заглядывала”. Тесса, брезгливо поморщившись, выудила из ящика для хранения овощей склизкий уже салат – “Все в мусор!”. Даже поверхностная проверка содержимого холодильника удручала: йогурт просрочен, помидоры покрылись темными пятнами, молоко в распечатанной бутылке скисло и осело какими-то уродливыми хлопьями, сыр и масло тоже только выбрасывать. Тесса вздохнула – что-то совсем подруга расклеилась, пора бы уже вернуться к жизни. Она вообще не понимала, как можно так убиваться из-за собаки. Нет, Фил, конечно, был шикарным псом – умница, красавец, очень ласковый и забавный, но никто не обещал, что он будет жить вечно.

Тесса сгрузила испорченные продукты в мусорный пакет, захлопнула дверцу холодильника – и увидела Филадельфию. Пришпиленная к холодильнику парой магнитов фотография вернула ей прошлое лето, когда вместе с Сарой и Филом они на целый день выбрались на побережье. Тесса, кажется, даже почувствовала обжигающе горячий песок, на который девушки плюхнулись голыми мокрыми животами – контраст с прохладными волнами был разительный! Рыжий ретривер в два прыжка догнал их и успел вклиниться в кадр с совершенно дурашливой физиономией. Когда они увидели, каким получилось это пляжное селфи, обе прыснули от смеха – уши Филадельфии парили в воздухе, морда расплылась в счастливой улыбке, на черном влажном носу отчетливо виднелись искорки песчинок. Тессе вдруг захотелось его обнять. Прямо сейчас. Все-таки она недооценивала талант этого пса, обычно отмахиваясь от его объятий и слюнявых поцелуев, – где появлялся Фил, там была любовь. Безусловная. Именно такая, о какой наивно мечтают романтичные девочки-подростки, взваливая собственные идеализированные представления о том, как “правильно” любить, на хлипкие еще плечи таких же наивных мальчиков. А на деле-то каждому, кто не боится научиться любить, нужен всего лишь Фил. Рыжий лохматый Фил, который все понимает и принимает. Который радуется тебе, даже если ты отлучаешься до кухни за стаканом воды. Который считывает твои мысли и угадывает настроение. Который умеет улыбаться и грустить вместе с тобой.

– Это был хороший день, – Тесса вздрогнула от неожиданно прозвучавшего за спиной голоса и резко обернулась. Сара, надевшая для прогулки светлую майку и шорты, выглядела бледной и измотанной.

– Ты меня напугала вообще-то, – притворно обиделась Тесса. – Могла бы не подкрадываться, как тень...

– Извини, я не хотела, – Сара слабо улыбнулась. – Я готова.

Девушки смотрели друг на друга, словно каждая не решалась что-то сказать. Тень Филадельфии стояла между ними – Тесса хоть и была прекрасной, искренней подругой, не могла разделить горя Сары и не понимала, как помочь ей. Может, купить щенка?

– А к врачу ты записалась? – Тесса очень старалась отвлечь Сару от грустных мыслей. – Ты обещала, что не будешь откладывать...

Сара неопределенно пожала плечами. По большому счету ей было все равно, чем вызвана слабость и приступы головокружения. Она-то понимала, что это – отголоски недавней потери, примириться с которой она все еще не была готова. Ей казалось, будто все происходящее – какая-то дурацкая ошибка, долгий мрачный сон, из которого никак не выкарабкаться, но стоит ей чуть приоткрыть глаза, Фил ткнется прохладным мокрым носом в ее щеку, приветствуя и радуясь новой встрече.

Рыжего ретривера Саре подарил отец. День был самый обычный, до Рождества – еще три месяца, до дня рождения и того дольше. Из активной фазы мечтаний о домашнем животном она выросла, чем порадовала маму, которая тяжело переживала необходимость отказываться единственной дочери, но была категорически против питомцев – “Это такая ответственность!”. Но в тот день все шло кувырком с самого утра. Сначала Сара обнаружила безобразный, противного поросячьего оттенка прыщ на подбородке – и это перед факультативным занятием по живописи, куда она ходила не столько рисовать, сколько любоваться симпатичным молодым преподавателем, в которого были тайно влюблены все девчонки класса. Потом она, провозившись у зеркала в попытках замазать прыщик, опоздала на школьный автобус и пришлось добираться до места вместе с папой – попробуй объясни друзьям, почему тебя, как малявку, в школу подвозят родители. В тринадцать лет это как-то даже неприлично. И уж совсем она огорчилась, когда факультатив был отменен – “красавчик Гарри” свалился с гриппом. Поэтому вечером Сара планировала послушать музыку и лечь спать пораньше, даже ужинать было неохота. Родители начнут расспрашивать, как прошел день, обязательно зацепятся за какое-то неосторожное слово, и от разговора будет не ускользнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.